цам не повадно было затевать и неправдою исков своих лишку приписывать".[1]

Рассмотренное нами выше судоговорение в повести указывает, что автор „Шемякина суда", действительно, изображает состязательный процесс, лишенный каких-либо форм „розыска", т. е. инквизиционного, следственного судопроизводства. Применение в повести „суда" вместо „розыска" в разбирательстве уголовных преступлений „убогого" указывает на судебную практику второй половины XVII в.

„И потом нача други суд быти; поп ста искати смерти сына своего, ...глагола попу судия:... и ты де отдай ему свою жену попадию..."

По этому приговору „поп" страдал не только как оскорбленный муж, но и как священник, который лишился своего „места" (т. е. прихода). По церковным правилам XVI и первой половины XVII в. безбрачие и второбрачие духовенства одинаково преграждали доступ к священству. Строгость в выполнении этого правила доходила до того, что овдовевший священник или диакон должен был постригаться в монахи, иначе ему запрещалось священнослужение.

Тяжба „попа" с „земледельцем" — „убогим братом" у „судьи" Шемяки любопытна также с точки зрения подсудности по законодательству XVII в. Духовенство было не подсудно светскому суду, за исключением тех дел, когда духовное лицо выступало истцом против ответчика-мирянина. В этом последнем случае духовное лицо судилось в судебной инстанции своего ответчика. Такой судебной инстанцией в „городе" для попа и крестьянина мог быть только воеводский суд. Таким образом, сам факт подсудности „попа" „суду" Шемяки дает новое дополнительное свидетельство в пользу нашего мнения о воеводском суде в повести.

„Судия ж... глагола брату ево: Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай до тех мест у лошеди выростет хвост..." „...глагола попу судия: Коли де у тебя ушибъ сына, и ты де отдай ему свою жену попадию до тех мест, покамест у попадьи твоей он добудет ребенка тебе". „Судия... глагола ему, у кого убит отец: Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станет под мостом, и ты с мосту вержися сам на него — такожде убий его, яко же он отца твоего"

Необычайные приговоры судьи Шемяки всегда привлекали внимание исследователей повести своей „затейливостью" и анекдотичностью. Наказание в повести, действительно, является пародией на буквальное

[1] Полн. собр. зак., № 1022.